

Анекс Мара

В РАЗВОДЕ
Я не буду плакать

Алекс Мара

В разводе я не буду плакать

<https://litres.ru/73896091>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Это потому что она моложе? Тебе захотелось молоденькую?
- Не унижайся, Полина.
- Это ты себя унижил предательством!
- Я бы предпочёл обойтись без сцен.
- Ты хотел второго ребёнка со мной. Говорил, что мечтаешь
- Говорил. В прошедшем времени.

Муж уходит от нас с сыном. Без сожалений. Хлопок двери, как выстрел в сердце.

Я не буду плакать.

Но и не пушу обратно того, кто однажды ушёл. Даже если он будет умолять на коленях.

Содержание

1	4
2	8
3	11
5	18
6	21
7	24
8	28
9	34
10	39
11	46
12	50
13	54
14	59
15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алекс Мара

В разводе я не буду плакать

1

Илюша висит на мне.

Обвивает ручонками шею, что-то бормочет сквозь сон. Он тёплый и тяжёлый, как мешок с песком.

Второй рукой я еле удерживаю пакеты с продуктами, пластик врежется в кожу. Почти вслепую нащупываю замочную скважину и поворачиваю ключ.

На пороге, прямо перед дверью, кто-то оставил пакет. Не упасть бы, перешагивая через него.

Захожу в квартиру, неуклюже разворачиваюсь в тесноте прихожей. Илюша тут же просыпается, как по команде. Мы накупили всяких вкусностей, и, хотя скоро ужин, сын надеется выпросить у меня мороженое.

Опускаю его на пол, потираю занемевшее от его веса плечо.

Делаю вдох – глубокий, как будто впервые за день. Всё, мы дома. Можно выдохнуть и хотя бы на минуту расслабиться.

Ходить в магазин с уставшим трёхлеткой – это развлечение ниже среднего, но мне захотелось приготовить что-ни-

будь особенное на ужин. Чтобы, поднимаясь по лестнице, муж почувствовал вкусный запах и поспешил в надежде, что это из нашей квартиры. Чтобы у него в глазах вспыхнул тот самый огонёк, шаловливый и страстный. Я люблю, когда он входит с улицы и целует меня, не говоря ни слова. А потом уплетает ужин, причмокивая, с неопишуемым удовольствием на лице. Словно не ел сто лет.

Хочется его порадовать, а то вся неделя как в тумане. Двое коллег мужа в отпуске, поэтому на работе у него полный завал. Он хирург, так что ответственность немислимая. Вот и мелькает между работой и домом, как чужой. Мы его почти не видим.

Хочу сделать ему приятное. Побаловать.

Поднимаю подарочный пакет с порога.

– Моё? – лепечет Илюша и тянет ручки к пакету. Цепляется за край упаковки с такой решимостью, будто точно знает – это для него. Улыбается, глаза светятся. – Подалок?

Пытается выхватить подарочную коробку, уже наполовину вытащенную из пакета.

Раз подарок, значит, ему. Красиво, интересно, новое – значит, только для него. Очаровательная детская уверенность, что мир вращается только для них и вокруг них. Жаль, однажды приходит отрезвление...

С непониманием смотрю на розовую подарочную коробку с ярким бантом. Тоже розовым.

На пакете логотип известного детского бутика класса

люкс, куда я даже не решаюсь заходить. Цены там заоблачные.

Пытаюсь отвлечь сына и забрать у него подарок, потому что это явно не нам, но цепкие ручонки уже открыли коробку. Илюша с разочарованием смотрит на крошечное детское платье. Розовое. К нему прилагаются милые пинетки с кружевом.

Какая прелесть!

Разочаровавшись в подарке, Илюша плюхается на пол, чтобы снять ботинки, а я поднимаю детскую одежду и смотрю на неё с умилением. Раз уж открыли, то не грех и полюбоваться такой красотой.

В груди щемящая боль... Как бы мне хотелось родить маленькую девочку!

Придётся позвонить в бутик, потому что покупку принесли оттуда вручную – без адреса, без чека, просто оставили у двери. Так что мне не передать по назначению.

Вдруг замечаю на полу маленькую карточку с цветком.

Поднимаю её.

Вся моя любовь,

Костя

Хирургический почерк ни с чем не спутаешь. Хуже чем курица лапой.

Это написал мой муж.

2

Я ощущаю, как что-то медленно, тяжело оседает внутри меня. Словно опускается занавес, и я стою за ним, потеряв зрение, слух и дыхание.

Рука дрожит, карточка падает на пол.

Поднимаю взгляд на дверь, будто ожидая, что кто-то вот-вот зайдёт в квартиру и объяснит, что происходит. Этому «подарку» найдётся простое и даже забавное объяснение.

Например... Костя купил безумно дорогой подарок для коллеги, у которой родилась девочка. Они давние друзья, поэтому он посылает ей «всю свою любовь».

Или девочка родилась у двоюродной сестры Кости... которой у него нет... троюродной... четверо... какой угодно сестры, с которой они очень дружат, но он забыл мне об этом рассказать.

М-да, негусто...

Как-то не складывается у меня с забавными и простыми объяснениями этого «подарка».

Илюша снова лепечет, что-то про мультики и мороженое.

– Мам, дай-дай мульт-мульт ням-ням, – говорит, обнимая мои колени.

– Солнышко, скажи настоящими словами, как большой мальчик, и тогда я дам тебе всё, чего ты захочешь, – отвечаю на автопилоте.

– Мама, хотя ложное, спасибо, – слушается моё вежливое чудо.

А у меня перехватывает дыхание, поэтому не могу ответить на милую и вежливую детскую просьбу.

Каждая секунда как вечность.

Вокруг нарастает странный гул, будто кто-то хлопнул дверь в моей душе.

Опускаюсь на пол прихожей с детским платицем в одной руке и открыткой в другой, и всё внутри меня сначала замирает, а потом начинает медленно тонуть.

Вся моя любовь,

Костя

Кому это адресовано?

Мозг отказывается складывать происходящее в логичную картинку, кроме как... в ситуацию из ночного кошмара.

В горле пересохло. Воздух в комнате вдруг становится вязким, как туман.

Не дождавшись моего ответа, Илюша берёт пинетку и пытается натянуть её на свою ножку. Развлекается, смеётся, не чувствуя, как изменилась атмосфера в доме.

А я так и не могу двигаться. Сажу на полу в растерянности.

Про вкусный ужин – забыто.

Продукты на полу – мне всё равно.

Даже Илюша теперь где-то словно вдалеке, его голос доносится до меня как эхо.

Я просто сижу. Смотрю. Слушаю тишину. И жду.

Когда повернётся ключ в замке.

Когда вернётся муж.

И объяснит, что это значит.

Кому это, почему, за что... Как?!

Как ни стараюсь, не могу придумать невинное объяснение.

Я жду.

Жду.

3

Входная дверь хлопает. Громко, как выстрел.

Я дёргаюсь, будто меня поймали с поличным, хотя сижу в своей кухне, в своей жизни, и мне нечего скрывать. Никаких секретов. Моя жизнь как открытая тетрадь.

Я немного пришла в себя и нашла в себе силы позаботиться о ребёнке и убраться продукты в холодильник. Сказала себе, что подозрительному подарку обязательно найдётся логичное объяснение. Возможно, я просто не замечаю очевидного, из-за волнения.

Даже если Костя собирался втайне отправить этот подарок бывшей девушке, у которой тоже теперь есть семья, это будет в тысячу раз лучше, чем то объяснение, которое первым пришло мне в голову. И которое теперь не даёт покоя.

Костя весь в работе, он и на нас с Илюшей еле находит время. Какой уж тут может быть внебрачный ребёнок...

– Боже, ну и день... – доносится с порога. Голос мужа усталый, натянутый до предела, как резина, вот-вот лопнет.

Он шумно разувается, бросает сумку где-то в прихожей.

– Шесть часов подряд, не поднимая головы. Гангренозный аппендицит с перфорацией. Анастомоз пришлось делать. Рыжов, как всегда, свалил в самый ответственный момент, а мне куда деться? Почему я всегда крайний? – Голос

мужа раздражённый и усталый.

Возвращаясь домой, он всегда приносит с собой отголоски чужой боли. Делится ею со мной, с нами.

– Эй! Ты где? – зовёт он из прихожей.

Обычно я всегда выхожу ему навстречу, а в этот раз даже не отвечаю.

Он заходит на кухню, останавливается на пороге. Принюхивается, смотрит по сторонам.

– Ничем не пахнет... Ты не готовила, что ли?

Поворачиваюсь к нему. Медленно. Смотрю на знакомое лицо мужчины, у которого никогда не было от меня никаких секретов. Реально, никаких. Иногда я умоляла его держать некоторые вещи в секрете. Бывает, замечу, как он сидит, уставившись в телефон, и улыбается. Таинственно так, любовно. Незаметно подхожу, почти подкрадываюсь, чтобы посмотреть, с кем он там занимается телефонной любовью втайне от меня, а на экране... ТА-ДАМ!

Такой ужас, что еле сдерживаю тошноту.

А муж поднимает на меня блаженный, влюблённый взгляд и говорит.

– Ты чего, Поль? Глянь, какая красота... Петрищев прислал, сегодня три часа маялся. Это киста яичника, три литра объёма. Сдавила кишечник, и от этого появились симптомы. Вот это сосудистая ножка, смотри, как изогнута... Эй, Поль, ты куда? Красиво же!

По вечерам и на выходных Костя читает медицинские журналы.

В соцсетях не замечен, только в каких-то хирургических сообществах.

Бредит работой.

Всё свободное время проводит с нами.

Чувствую себя странно, почти неловко. Как будто оскорбляю мужа моими подозрениями.

– Эй, мать! Ты чего так смотришь? Еда есть?

– Нет. Я не готовила.

– Почему? – Муж хмурится, но беззлобно.

– Я слишком была занята... твоим подарком.

Он моргает несколько раз, словно пытается сообразить, о чём я говорю.

– Каким ещё подарком?

Я встаю. Не торопясь подхожу к пакету, вытаскиваю платье, пинетки, карточку с подписью и коробку. Всё как есть. Молча кладу на стол.

Костя смотрит. Молчит.

И в этот момент тишина становится такой громкой, что кажется, будто звенит.

Из гостиной доносятся звуки мультика – весёлый голос персонажа, популярная детская песенка.

А мы с мужем замерли на кухне.

Костя с одной стороны стола, я – с другой. Между нами на столе лежит розовая правда.

Муж не двигается.

Я тоже.

Он не смеётся, не закатывает глаза и не говорит: «Ты неправильно поняла» или «Какая дурацкая ошибка».

Молчит.

Слишком долго.

Потом шумно выдыхает. Не смотрит на меня, просто опускается на стул, тяжело, как будто в нём стало вдвое больше веса.

Сидит, уперев локти в стол, тянет руки к лицу и долго, почти судорожно трёт глаза ладонями.

Я вижу, как он собирается с силами, готовится к простому разговору.

Мне дурно, страшно, тошно. Хочу с криком выбежать из комнаты, чтобы не слышать ту правду, которая наверняка

мне не понравится.

– Это... – голос мужа глухой и сиплый, – это не подарок. Это... разговор. Я планировал его на завтра, и этот... эту коробку... платье должны были доставить завтра, а не сегодня. Ты должна была получить его и удивиться... А я собирался рано вернуться домой, чтобы... Короче, все планы теперь в задницу. Чёртовы магазины! Никогда не делают, что обещают...

Он замирает, не открывает глаз. Только дышит – медленно, хрипло.

Тишина снова заполняет кухню, давит.

За стенкой Илюша вполголоса поёт вместе с мультяшным персонажем, совершенно не подозревая, как сильно сейчас дрожит реальность его родителей.

Минуту спустя муж снова начинает говорить. Голос низкий, почти срывается.

– Я знаю, что я не вправе поднимать эту тему... не должен просить тебя об этом. После всего, через что ты прошла, это подлость с моей стороны. Твоя беременность Илюшей... это был суший кошмар. Я никогда не забуду, что чуть вас не потерял. И я знаю, что мы тогда договорились, что больше не будем заводить детей. Что даже думать нельзя больше в эту сторону.

Он делает паузу. Поднимает на меня глаза. Покрасневшие, уставшие.

– И я понимаю, что я тебе вообще не помощник. Работаю

как одержимый, вечно тебя оставляю одну с ребёнком, с домом, с собой... А сам только ночами прихожу, и то не весь. Пустой, выхолощенный после работы. Но...

Он отводит взгляд, замирает. Потом продолжает – тише, почти шёпотом.

– Мне последнее время всё чаще снится, что у нас родилась дочка. Маленькая такая принцесса в розовом платье. Она смеётся. Я её держу. Ты рядом. Илюша – старший брат, серьёзный такой, охраняет. Сначала я был уверен, что эти сны пройдут. Честно. Прогонял эти мысли, но они не уходили. А потом... ехал мимо бутика, и в витрине увидел платье и эти ботиночки вязаные, не помню, как они называются. Они были точно такие, как во сне.

Он выдыхает. Усмехается безрадостно.

– Чуть аварии не возникло. Врезал по тормозам, чуть в столб не влетел. Вышел из машины и стоял, смотрел на витрину, как псих. А потом зашёл в бутик. И... не знаю. Просто купил. Как будто иначе не смог бы. А потом стал решать, как заговорить с тобой об этом...

Снова тишина. Только теперь в ней есть что-то живое – дрожащие нити прошлого, боли, воспоминаний.

– Я об этом и хотел поговорить. Сесть с тобой и... быть честным. Признаться, что ничего не могу с собой поделатъ, хочу дочку. Хотел рассказать тебе всё и показать.

Он снова смотрит прямо на меня. Глаза полны страха, нежности, вины, надежды.

– Я знаю, ты когда-то хотела нескольких детей. Потом всё изменилось. Всё стало... слишком страшным. Но если вдруг... если ты решишь и захочешь рискнуть, то давай обсудим это. Мне кажется, что у меня начались эти сны, потому что в нашем центре появился новый специалист, он пришёл из частной клиники. Можно посоветоваться с ним насчёт твоей аномалии. Если нужно, съездим в Москву. Там тоже всё уже по знакомым можно пройти. В прошлый раз мы не знали о твоей проблеме, поэтому так и получилось... страшно и неожиданно. А теперь мы можем подготовиться. Как говорится, предупреждён – вооружён. Всё распланируем в мельчайших деталях. Будет безопасно для тебя и для малышки.

Он резко выдыхает, как будто говорил это не мне – себе.

А потом смотрит. В упор.

Долго. Молча.

– Вот о чём я хотел поговорить, – произносит тихо.

Странные ощущения.

Стою у окна, держу чашку с чаем, но даже не помню, как его заваривала. Руки будто живут отдельно от меня – всё делают, как надо, по привычке, по накатанному. А внутри меня – сумятица.

Когда я открыла подарок от мужа, у меня было ощущение, словно я сорвалась с края и летела в пропасть.

А теперь оказалось, что под ногами земля.

Поэтому и чувствую себя странно. Я вроде как видела пропасть своими глазами. Не могла придумать ни одного приемлемого объяснения подарку, готовилась к скандалу, а теперь... Оказывается, я ошиблась?

Как будто кто-то играет с моей реальностью, меняет декорации, дёргает занавес, выставляет новую сцену, а я стою посреди всего этого и ничего не понимаю.

Костя выглядит подавленным, внезапно постаревшим, чуть не плачет. Я замечала, что в последнее время он какой-то смурной ходит. Думала, что это по работе. Давление, выгорание, что-то подобное. Мужчины ведь часто молчат о трудном. А оно вон как. Он хочет дочку.

Да что уж говорить, я тоже хочу дочку. Милую, с пухлыми ручками и голубыми глазками. Хочу любоваться на неё,

гладить по волосам, укачивать на руках. Хочу снова ощутить тёплый детский запах.

Я чувствую эту потребность где-то в груди, как лёгкий толчок сердца. Но следом приходит другое. Холод, как тень из подвала. Воспоминания о прошлой беременности такие страшные, что мурашки по всему телу при одной мысли.

Врачи пропустили аномалию на раннем УЗИ. Всё шло хорошо, а потом стало очень плохо. Роды начались внезапно. Преждевременно. Страшно. Это был не момент счастья – это был ужас. Боль, крики, слёзы. Бесконечный, удушающий страх.

Мы с Илюшей долгое время провели в больнице.

А потом, чуть больше года назад мне потребовалась операция, после которой я долго восстанавливалась. Нам пришлось снова нанять няню, потому что я физически не могла ухаживать за Илюшей. Очень страдала из-за того, что не могла быть всем для моего малыша – ни поднять, ни ходить с ним, ни укачивать. Даже вспоминать страшно. До сих пор не до конца восстановилась, внутри по-прежнему остаются осколки боли.

И всё же... муж прав. Тогда мы не знали про аномалию, поэтому всё случилось так неотложно и страшно. А теперь мы знаем. Предупреждён – вооружён.

Я снова смотрю в окно. Небо будто застыло – серое, равнодушное. А внутри меня всё дрожит, колеблется, но и это

дрожание – признак жизни. Я боюсь, но больше не убегаю от страха. Я просто стою и держу его в себе, как держат хрупкий сосуд. Осторожно. До времени.

– Слишком рано, да? – Костя морщится. – Ладно, забудь, что я поднял этот вопрос. – Он подходит ближе ко мне, обнимает за плечи. – Серьёзно, забудь, Поленька! Я идиот, что заговорил об этом так рано. Просто этот новый специалист на днях читал лекцию и показывал интересные случаи из его практики, вот я и решил... не сдержался... Всё, забыли! Больше этот вопрос не поднимаем! – Целует меня в висок, обнимает обеими руками и сжимает изо всех сил. – Мы и так с тобой счастливы, да?

Чуть отстраняюсь и смотрю на мужа, потому что мне вдруг очень хочется, чтобы он сам ответил на свой вопрос.

Мы счастливы?

Могут ли быть счастливы люди, которые так редко и мало видят друг друга?

Мы выходим замуж по любви, говорим друг другу, что хотим быть всегда вместе, а на самом деле, проводим вместе считанные часы, да и то в это время обычно говорим о делах. Спим в одной постели, да, но это ведь бессознательное состояние.

Счастливы ли мы в этой бессознательной близости?

6

И я не могу просить мужа меньше работать, потому что, во-первых, сама ещё не вернулась на работу и не вношу вклад в семейный бюджет. А во-вторых, он обожает свою работу, живёт ею. Какую интересную альтернативу я могу ему предложить? Играть со мной и с Илюшей на коврике? Мы пытаемся, но муж при этом то и дело посматривает в телефон или читает какую-то заумную статью.

– Ты счастлив, Костя?

– Да, Поль. Я счастлив. И я буду и дальше счастлив, даже если у нас не будет больше детей. Возможно, мне просто важно было поделиться с тобой правдой, а теперь я высказался и смогу спать нормально.

Отпускает меня, берёт детскую одежду и коробку и выбрасывает в мусорное ведро.

– Ты что! Это ведь стоит огромных денег!

– Не настолько огромных, как другой сюрприз, который я для тебя приготовил.

Как ни стараюсь, не могу угадать, о чём идёт речь. Скажем честно: у меня и после первого «сюрприза» до сих пор трясутся поджилки!

– О чём мечтает самая лучшая жена в мире? – спрашивает он с усталой улыбкой.

Э-э-э... О том, чтобы меня больше не пугали сюрпризами?

– О том, чтобы самый лучший муж в мире проводил больше времени дома, – отвечаю в тон ему.

– Хорошо, договорились. – Снисходительно кивает. – А какое второе самое большое желание у лучшей жены в мире, которая по совместительству является лучшей кухаркой в мире?

Минутку...

Оглядываю старую обшарпанную кухню и... не могу поверить...

– Не может быть?!

– Что не может быть? – спрашивает с притворным непониманием.

– Ты хочешь заказать новую кухню?!

– Не только хочу, а уже выбрал фирму и поговорил с ними. Заказывать ты будешь сама. Всё, что твоей душе угодно. Я пришлю тебе их контактную информацию.

Бросаюсь ему на шею с криками радости. Я и мечтать боялась, что когда-нибудь у меня будет просторная кухня со всем, что мне нужно. Объединим с кладовкой, чтобы было больше места, закажем шкафы до потолка, полки под специи, глубокие ящики под кастрюли, скрытую вытяжку – всё, как я люблю. Светлая столешница, возможно, тёплое дерево или камень, и обязательно – уголок у окна, чтобы пить утренний кофе и смотреть, как просыпается день.

Я уже вижу эту кухню. Она пахнет тёплой выпечкой, чистотой и уютом.

– Ты серьёзно?.. – спрашиваю, не отрываясь от Кости.

– Серьёзнее некуда. И это никак не связано с вопросом о ребёнке, но напрямую связано с тем, что я счастлив. С тобой.

В его голосе – тепло. Он улыбается, и в этой улыбке столько тихой любви, что на мгновение всё замирает. Я прижимаюсь крепче. Странно – раньше я думала, что такая бытовая вещь, как кухня, не может сделать человека по-настоящему счастливым. Но сейчас я чувствую: это не просто мебель и техника. Это обещание. Новая глава. Пространство, где будет не только готовка, но и смех, разговоры, маленькие вечерние праздники вдвоём и утренние сборы с Илюшкой.

В голове уже крутятся образы: где будет стоять холодильник, какие занавески подберу на окно. Я будто оживаю изнутри – с новой мечтой, с новыми мыслями. Это не просто кухня. Это вклад в уют нашей любви.

Костя откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Спит, даже немного похрапывает.

Мы сидим в приёмной – да, именно у того самого нового специалиста, про которого Костя мне рассказал.

Костя в белом халате, но он здесь не как врач, а как мой муж. И всё же остальные в приёмной специалиста глядят на него, глубоко спящего, с уважением и тихим пониманием – врач устал, потому что много работает и мало спит, заботится о больных. И я тоже горжусь моим мужем. Искренне. Говорю это без тени иронии. Я горжусь тем, кто он есть. Тем, каким он стал. Сколько бы ни было ночных смен, экстренных операций, звонков среди ночи – он остаётся светлым человеком с добрыми глазами и верной рукой.

Но... Существует изнанка жизни тех, кто целиком и полностью посвящает себя работе. То, что остаётся за кадром, когда врачи выходят из операционной, снимают перчатки и уходят домой – точнее, туда, где должен быть дом, центр их жизни.

И, к сожалению, именно на этой изнанке – как на чёрной стороне луны – часто живут жёны, дети, родители. Те, кто любит, но не получает в ответ даже половины того внимания, которое достаётся больным и коллегам.

Костя по-прежнему работает безумно много. Его не оста-

новить. Иногда мне кажется, что даже если он сам упадёт от истощения, всё равно встанет и пойдёт обратно – потому что там, в больнице, кто-то нуждается в нём больше, чем он нуждается в себе.

Он так устает, что, возвращаясь домой, едва доползает до кровати. Буквально. Однако всегда находит в себе силы съесть приготовленный мною ужин – и благодарит, даже если говорит это сквозь зевок, с закрытыми глазами.

Вчера он вернулся таким выжатым, что я даже не стала звать его к столу. Просто отправила в душ, потом уложила в кровать и принесла туда ужин на подносе. Он ел молча. Медленно, как будто во сне. Заснул сразу после десерта, даже зубы не почистил.

И есть ещё один момент, не менее болезненный. Я не хочу казаться меркантильной стервой – правда, не хочу. Я не гонюсь за брендами, не увлекаюсь украшениями, не требую кольца в коробочке с логотипом. Но... для хирурга с такой высокой квалификацией, с таким уровнем опыта и с такой бешеной, самоубийственной нагрузкой Костя зарабатывает до смешного мало. Оскорбительно.

Он не любит говорить о деньгах, не выносит подобных разговоров. Когда я всё же поднимаю тему, начинаю осторожно, издали, он сразу перебивает меня вопросом: "На что тебе не хватает? Скажи. Я подработаю. Где-нибудь найду дополнительную смену. Всё купим."

И вот тогда я зависаю на слове "подработаю", и внутри

меня всё сжимается. Нет, спасибо. Никаких "подработаю". Лучше просто приходи домой пораньше, хотя бы иногда. Мы едва ли семья, когда видимся так редко. Илюша видит отца только в полуживом, сонном состоянии. Малыш уже привык, что с папой нельзя играть, нельзя просить погулять, потому что папа устал. Папа всегда «устал». Илюша как будто уже понял: папа – это где-то там, на работе, а не здесь, дома.

И на выходных то же самое, что и в будни. Критически мало свободного времени. Никаких спонтанных поездок, ни парка, ни кино, ни даже просто сидения втроём на диване. Экстренные вызовы, срочные консультации, бумажная волокита, отчёты – всё это не оставляет нам места в его жизни.

Я уже давно перестала жаловаться на работу мужа. Во-первых, это бесполезно, во-вторых, несправедливо. А в-третьих – потому что после моих жалоб в Костином взгляде появляется такая вселенская грусть, что у меня внутри всё обрывается. Хирургия для него – всё. ВСЁ, большими буквами. И эта больница – тоже ВСЁ. Это не просто место, где он работает. Это его территория, его поле битвы, его миссия, его смысл. Его жизнь.

А я... Я просто стою где-то рядом. Рядом с его миром. Немного в тени, немного в стороне. Жду, когда он вернётся. Стараюсь не мешать, не жаловаться, поддерживать. И варить борщ так, как он любит. Чтобы было что согреть ночью, если он придёт поздно. Или рано утром, если вообще не спал.

Вот как-то так.

Я люблю его.

Костя для меня ВСЁ.

8

Вот мы и сидим в приёмной специалиста.

Будем планировать второго ребёнка.

Сама я бы, наверное, никогда не подняла эту тему, а для любимого мужа пойду на всё. Всем рискну. Да, именно так: не "постараюсь", не "взвешу", а *всем рискну*, если нужно. Ради него. Ради нас. И если он говорит, что хочет второго ребёнка, значит, я сделаю всё от меня зависящее. Несмотря ни на что. Смогу побороть страх.

Это решение далось мне с трудом, потому что было страшно – до дрожи в руках, до комка в горле, до бессонных ночей с воспоминаниями о том, как было в первый раз. Потому что я ещё не до конца отошла от прошлых осложнений и операций – не только физически, но и эмоционально. Потому что роды были тяжёлым испытанием, и восстановление – длинным, полным сомнений и тревог.

Но когда Костя неожиданно заговорил о дочке, он смотрел на меня с такой надеждой и с таким тихим счастьем в глазах, что я внезапно прониклась уверенностью, что всё будет хорошо. *Должно быть хорошо.*

Я и сама втайне мечтала о втором ребёнке, но не решалась. Хочу снова почувствовать, как внутри меня растёт жизнь, как толкается крохотная пяточка, как в роддоме кладут на грудь маленький, тёплый свёрток счастья. Хочу заново

во прожить это всё – только уже с другим опытом, с другим пониманием.

К тому же, мы ведь не молодеем. Время не ждёт, и откладывать важные решения и планы на потом нельзя. А Илюшка тем временем растёт. И растёт быстро, даже чересчур. Совсем недавно еле держал ложку двумя руками, а теперь спорит со мной, как будто уже подросток, и задаёт вопросы, на которые и взрослым бывает трудно ответить.

Хочу, чтобы Илюшка стал старшим братом. Чтобы чувствовал, что он не один, что у него есть брат или сестра, для которых он станет примером и опорой. Хорошо бы, чтобы разница между детишками была небольшой. Чтобы могли играть вместе, расти рядом, делить игрушки и тайны. Чтобы были друзьями. У нас уже и так получится четыре года разницы, маленькая вечность по детским меркам. Но это лучше, чем откладывать на потом, когда «потом» может и не случиться.

Девочку, конечно, не гарантирую, но готова попробовать снова. И это "попробовать" на самом деле означает очень многое: довериться телу, которое ещё не до конца пришло в себя после прошлых испытаний, поверить в возможность хорошего исхода и снова шагнуть на тропу, на которой меня ждут бессонные ночи, бесконечные тревоги и отчаянная нежность.

Всё это предстоит пережить мне одной, потому что муж мне не помощник. После рождения Илюши самое трудное

было не бодрствовать с ним по ночам, а стараться быть тихими, чтобы не разбудить спящего после работы Костю.

Хочется, но... страшно. Потому что нет гарантий. Потому что ни один врач не даст обещаний, что второй раз будет легче, и всё закончится хорошо.

Я помучилась, поразмыслила... Взвешивала, прокручивала, ночами не спала, мысленно спорила с самой собой, убеждала, то соглашалась, то отступала, снова начинала с начала. А потом – вдруг, будто сама с собой наконец договорилась. Встала, пошла в комнату, где Костя как обычно сидел за ноутбуком с уставшими глазами, и просто сказала.

– Я согласна. Схожу к врачу.

Он оторвал взгляд от экрана и посмотрел на меня как-то странно... будто через меня. Пустым взглядом. С недоумением. Как будто не понял вообще, о чём речь.

– Зачем? К какому врачу? – спросил.

И от этих вопросов в моей груди вдруг стало так тепло, что хоть плачь. Не от обиды, что он забыл, а совсем наоборот. От осознания, что он заставил себя забыть о втором ребёнке ради меня. Мой муж – невероятно чуткий человек. Он хоть и признался, как сильно хочет дочку, как мечтает об этом, но когда увидел, как я испугалась, сжалась и запаниковала, сразу же отступил. Сказал тогда: забудь, больше не будем об этом говорить. Мы и так счастливы. У нас есть Илюшка, и

нам этого хватает.

Он и правда забыл, сам поставил точку. Чтобы я не чувствовала вины, долга, давления. Потому что любит меня. Потому что уважает мой страх. Потому что знает, чего мне стоила первая беременность. Потому что ни за что не станет заставлять меня снова через это проходить, если мне самой страшно. Ни за что.

Его реакция тронула меня до глубины души. Этот взгляд, в котором нет ни упрёка, ни намёка, ни ожидания. Только растерянность – и забота. Такая настоящая, без слов.

– Я ничего пока что не обещаю, – сказала я тогда. – Просто хочу поговорить со специалистом. Послушать, что он скажет. Узнать, какие есть риски. Хочу понимать, на что иду.

И он... он так удивился, что даже сначала ничего не мог сказать. Просто сидел, замер, впитывая мои слова. А потом, когда понял, что я серьёзно, встал, подошёл, обнял. Молча. Крепко. И я поняла – ему это важно. Не как каприз. Не как желание «полноценной семьи» или какая-то социальная установка. А именно как мечта. Его личное счастье.

Я подумала тогда, что вот она, настоящая любовь. Не в словах. Не в великих жестах. А вот в таком взгляде: растерянном, потому что не верил, что я соглашусь. В готовности отказаться от своей мечты, чтобы не травмировать меня. В том, как он поставил точку, когда увидел, что мне страшно, не объясняя, не уговаривая.

И вот я здесь. Сижу рядом с Костей, который заснул от

усталости в ожидании приёма. И это не просто визит в клинику. Это шаг в новую главу. Возможно, самую важную.

Ничего фундаментально нового врач не говорит. Во всяком случае, ничего, что прозвучало бы как откровение или окончательный ответ. В целом – то, чего я и ожидала: общее состояние, возраст, обследование, риск, статистика. Гарантий нет и не будет, но можно многое сделать, чтобы уменьшить риск осложнений.

Я понимаю далеко не всё. Костя то и дело вклинивается с вопросами. Они что-то обсуждают на закодированном медицинском языке. Уже не меня, а “женщину с осложнениями в анамнезе”. Врач что-то объясняет, рисует схему на листке, показывает возможные сценарии. Использует фразы вроде “всё индивидуально” и “нужно смотреть по динамике”.

Потом он заканчивает объяснение, складывает бумаги. Я киваю, благодарю, и всё внутри гудит от напряжения.

Костя пожимает врачу руку, благодарит его, а тот вдруг спрашивает.

– Ну и как ваша новая жизнь, оправдала ожидания? Стоит всех тех восторгов?

Спотыкаюсь на словах «новая жизнь» и с непониманием смотрю на мужа.

Он бледнеет, сглатывает, потом машет рукой, как будто

открещивается от слов коллеги.

– Да ну, какая новая жизнь, скажете тоже. Всё как всегда. Как-нибудь выпьем кофе и поговорим о бизнесе. – Его голос хриплый, резкий. Станный.

Сказав это, он выводит, почти выталкивает меня в коридор.

9

– Какая у тебя новая жизнь? Что врач имел в виду? – спрашиваю, когда мы выходим из больницы.

Сегодня тёплый, светлый день с ленивым ветерком, но у меня внутри всё словно покрывается льдом. Не могу понять такую сильную реакцию на услышанное.

Внимательно слежу за мужем, ловлю малейшие перемены в выражении его лица, потому что его реакция на вопрос врача была... странной. Он точно не хотел, чтобы разговор о какой-то "новой жизни" состоялся в моём присутствии.

Костя слегка вздрагивает, отмахивается – не грубо, но торопливо, как будто хочет стереть эту тему и больше к ней не возвращаться. Подхватывает меня под локоть и уверенно переводит через дорогу.

– Тут и говорить не о чем. Не обращай внимания! – говорит он быстро, почти не глядя в мою сторону. – Давай лучше перекусим вместе. А то я даже не помню, когда мы с тобой в последний раз оставались наедине.

Он обнимает меня за талию и мягко направляет в сторону кафе, расположенное как раз напротив больницы.

Да, я тоже не помню, когда мы в последний раз были вместе, особенно вне дома. О свиданиях я даже не вспоминаю –

они как будто из другой жизни.

Но... мне нужно услышать ответ на мой вопрос. Настоящий. Не уклончивый. Не скомканный.

– Подожди, Кость, – останавливаюсь, чуть отстраняюсь. – Объясни про новую жизнь. Ты очень странно отреагировал на тот вопрос. Ты же меня знаешь, в таких ситуациях я сразу начинаю нервничать.

Он останавливается, вздыхает, качает головой. На его лице – смесь усталости и желания всё сгладить.

– Поля, я не говорил тебе об этом именно потому, что ты слишком чувствительная. И я не хочу тебя нагружать лишним. У нас в больнице сейчас небольшая перестановка – кадровая чехарда, новое начальство и всё такое. Ну и один из начальников, когда выступал, ляпнул с пафосом: «Под моим началом у всех вас начнётся новая жизнь». – Костя усмехается, но как-то сухо. Неловко. – Вот с тех пор мы и называем это “новой жизнью”. Такое коллективное ироничное выражение. Но на самом деле в ситуации ничего весёлого, потому что новое руководство – это всегда стрессы, проверки, давление. Люди нервничают, атмосфера тяжёлая. В этом, считай, и вся “новая жизнь”.

Он смотрит на меня – усталый, но открытый. Искренний. Улыбается и проводит ладонью по моему лицу. Нежно.

– Важно то, что лично для меня ничего не изменилось.

Ты же знаешь, моя работа вообще никогда не меняется. Я живу в операционной. Считаю, родился со скальпелем в руке. Я бы обязательно тебе рассказал, если бы случилось что-то важное, какие-то реальные перемены. А так – просто ещё один виток стресса, который тебе ни к чему.

В кафе уютно, пахнет горячим хлебом и кофе. Мы заказываем горячие бутерброды и чай. Пока готовят заказ, идём к столику в углу – у окна. Не то чтобы свидание, но всё равно приятно.

Даже очень.

Я сижу напротив Кости, смотрю, как он перебирает салфетки, как пальцем очерчивает край чашки. В нём всё привычное до мелочей – и в то же время даже сейчас, после нескольких лет брака, он кажется мне привлекательным, интересным.

Костя берёт меня за руку, поглаживает большим пальцем мою ладонь. Смотрит на меня так...

Не описать.

Вот из-за этого взгляда я когда-то влюбилась в Костю. Не за поступки, не за слова, а за то, как он на меня смотрел. Глубоко, по-настоящему, словно «видел» меня такой, какая есть, и ему всё во мне нравилось. Как будто кроме меня нет никого, и я единственная в мире. Как будто между нами что-

то настолько сильное и глубокое, что слов уже не нужно.

И вот сейчас он снова так смотрит.

Я сжимаю его руку в ответ.

– Костя, если у тебя стресс, ты всегда можешь со мной поделиться. Я хочу всё знать. Я не хрупкая, и я хочу за тебя волноваться. Не потому что обязана, а потому что люблю тебя.

Он улыбается чуть грустно, чуть облегчённо, будто хотел услышать это, но не знал, как спросить.

Сжимает мою руку в своей, потом поднимает её к губам и целует.

– Спасибо, Поль. Ты всё для меня.

– А ты – для меня. – Мой голос внезапно охрипший, поэтому откашливаюсь. – Поэтому... давай родим ещё ребёночка. Мне тоже хочется. Ты не думай, что один мечтаешь о дочке. Только мне страшно вато, но это пройдёт. Переведи мне всё, о чём вы говорили с врачом, чтобы я поняла детали, и тогда начнём планировать.

– Не сейчас! Давай поговорим об этом позже... – Костя хмурится. – Лучше расскажи мне, что ты выбрала для кухни?

– Ой, лучше не спрашивай! В каталоге столько красоты, но так дорого, что я ещё ничего не выбрала, только мечтаю.

– Нет уж, ты не мечтай, а выбирай всё, что хочешь. А о деньгах не думай. Я что-нибудь придумаю.

– Что ты придумаешь? – Смеюсь, но это от счастья, от нашего тёплого момента вместе. – Изобретёшь машину для того, чтобы печатать деньги на дому?

– Ш-ш-ш! Не выдавай меня! – Костя осматривается с притворным волнением.

Мы смеёмся, держимся за руки.

Нам хорошо.

Может, мы не видимся так часто, как хотелось бы, но «мы» по-прежнему существуем. Сильнее и глубже, чем раньше.

Честно говоря, я волновалась, что после разговора с врачом Костя станет меня торопить.

Первый раз я забеременела очень быстро, даже не успела как следует осознать, что мы на это решились. Но, к моему удивлению, в этот раз Костя вовсе не проявил ни спешки, ни особого энтузиазма. Он не только не начал торопить меня, но даже говорить об этом не захотел. Сказал буквально пару фраз о том, что они обсуждали с врачом, и добавил, что ему нужно ещё проконсультироваться с другими специалистами, возможно, даже придётся звонить в Москву. А это, как он сказал, займёт время.

И вроде бы я должна радоваться: всё спокойно, без давления, можно выдохнуть. И я действительно рада, но... не совсем. Может быть, потому что втайне надеялась, что когда решение будет принято, всё изменится в лучшую сторону. Что Костя будет счастлив, станет чаще появляться дома и мы начнём говорить о новом малыше – много, открыто, захлёб. Будем мечтать. Представлять, каким будет малыш, на кого он будет похож, какие глаза, рост. Может быть, даже купим что-нибудь символическое – пинетку или мягкую игрушку. Начнём обсуждать, где обустроим для него пространство. Придётся разделить гостиную на две части – кабинет для Кости и комнату Илюши. А детскую, возможно, отдать

новому малышу.

Но пока что всё это существует только в моей голове. Я думаю об этом одна, а между мной и Костей – тишина.

Более того, он стал отстранённым, каким-то замкнутым. Может быть, он переживает за моё здоровье, чувствует груз ответственности за наше решение. А может – и я не исключая такую возможность – врач сказал ему что-то важное, но он решил это от меня скрыть.

И вот я застряла между ожиданием и неизвестностью. Между мыслями о будущем и напряжённой тишиной настоящего.

Открываю ежедневник. Листаю почти пустые страницы – редкие пометки, скучные бытовые записи, напоминания, которые можно было бы и не писать.

И вдруг, будто по щелчку, в памяти всплывает совсем другое время. Вроде прошло не так уж и много времени, каких-то три с половиной года, – но ощущение, будто речь о другой жизни. Как будто это было не со мной, а с кем-то похожим на меня. Мой старый ежедневник был до краёв забит делами: заказы, примерки, звонки, встречи, показы мод, поездки, авралы и... бесконечное вдохновение.

Я тогда буквально жила на бегу – в хорошем смысле. В нашем салоне мод я была самой востребованной швеёй. Ко мне выстраивалась очередь, дизайнеры спорили, кому я помогу первой. Мне пророчили успех, говорили, что у меня талант, что у меня свой взгляд, чувство ткани, формы, света. А

главное – у меня был сильный характер. Помню, как уверенно я держалась, принимала решения, рисковала без сомнений. Я была самодостаточной и оптимистичной. И верила в свои силы. Безусловно.

А потом появился Костя. Мы познакомились почти случайно – на приёме в мэрии. Кто-то кому-то нас представил, а дальше всё пошло само. Зацепились взглядами, столкнулись характерами – с шумом, искрами. Между нами сразу вспыхнуло что-то ослепительно живое. Наш роман развернулся стремительно, как вихрь. Мы были яркой, дерзкой парой, жили, не щадя чувств. И когда я забеременела, это было счастье. Настоящее, горячее, честное счастье. Не “по плану”, а “по любви”.

А потом...

Когда я вспоминаю то время, ловлю себя на том, что говорю словно про кого-то другого. Кажется, это история другой женщины, которая исчезла. Которую сломало и сломило больницами-болезнями-постоянным страхом и риском.

Сломался мой внутренний стержень.

И осталась новая я.

Медлительная, осторожная, тихая. Ищу опору там, где раньше просто стояла уверенно.

Держусь за Костю, как за якорь. Он стал моей силой.

Листаю страницы почти пустого ежедневника, и в голове будто бы два времени: тогда и сейчас. Та, кем я была, и та,

кем я стала. И между ними – провал беды.

Последние три года стали для меня не просто испытанием – выживанием. В них было всё: бессонные ночи, тревога за малыша, неопределённость и... одиночество. Тихое, липкое, ползучее. Я, привыкшая к постоянному движению, к яркому общению, к насыщенным дням, где каждая минута была на счету, вдруг оказалась в мире, где всё сосредоточено в пределах одной квартиры. Где круг задач замыкается на пелёнках, детских кашках и укладывании на дневной сон.

Я посвятила себя малышу полностью, без остатка. Обожаю наши сонные вечера и весёлые утренние часы, когда Илюша смеётся, придумывает игры, строит свои невероятные миры из кубиков и игрушек. Но вместе с тем, моя замкнутая жизнь сделала меня другой. Мои подруги заняты работой, поэтому видимся мы редко, а новых я только сейчас пытаюсь завести. Раньше не могла из-за проблем со здоровьем.

Так и получилось, что единственным взрослым человеком рядом остаётся муж. И это как будто ставит меня в зависимость, привязывает, меняет. Я держалась за него, когда мне было страшно и больно, а теперь... просто держусь? Как будто жду, когда он придёт домой, чтобы снова стать собой. Чтобы вспомнить, кто я.

Словно мой внутренний центр сместился, и теперь я стою не на собственных ногах, а опираюсь на него.

Костя, конечно же, не виноват, что мой мир сузился до

него одного. Мне уже намного лучше, и физически, и душевно. Пора вспомнить, какой я была раньше, до тяжёлых событий.

Пора вернуться к самой себе.

Позвоню подругам, договорюсь о встречах...

Минутку...

Насчёт друзей... Какое сегодня число? Переворачиваю страницы ежедневника до сегодняшнего числа... Чёрт возьми! Я забыла о дне рождения Кирюши – сына Олега, Костиного друга. В последние дни только и думала, что о втором ребёнке и словах врача, вот и пропустила важное событие. Ни подарка, ни открытки.

Света, мать Кирюши, каждый год устраивает детские праздники с воздушными шарами, аниматорами... Я что, пропустила приглашение?

Заглядываю в телефон, но от Светы давно уже не было сообщений.

Будет жутко неудобно, если я забыла о приглашении и даже не отправила подарок!

Набираю сообщение Косте. Спрашиваю, говорил ли Олег что-нибудь о дне рождения Кирюши.

Ответ приходит довольно быстро. И, конечно же, в фирменной манере мужа.

"Олег говорил только об интересной томограмме колен-

ного сустава..."

Хирурги! Что с них взять...

Дальше я не читаю. Ничуть не удивляюсь, что они обсуждают не детей, не жён и не распродажи, а всякие медицинские загадки.

Делать нечего, придётся звонить Свете. Лучше признаться честно, что забыла, чем молчать и выжидать.

Набираю Свету. Она отвечает только со второго раза. Голос странный – не то, чтобы холодный, но какой-то скользкий, отдалённый. Неужели обиделась?

Я сходу поздравляю Кирюшу, обещаю срочно обеспечить подарок, ссылаюсь на замотанность – рассказываю про планы на второго ребёнка и про поход к врачу.

Про праздник ничего не говорю, иначе получится неловко, как будто напрашиваюсь на приглашение. А это не так. Вообще, детские праздники – это, прямо скажем, работа для взрослых. А вот для детей – радость и волшебство.

Света благодарит за поздравления. Заверяет меня, что никто не в обиде, но при этом запинается на каждом слове, слишком долго подыскивает слова, не договаривает...

– Извини, но в этом году мы... решили не устраивать большой праздник, как раньше... только для близких... родных... близких...

– Ага, да, я тебя понимаю...

Хотя я совершенно её не понимаю. Мы прощаемся, обещаем друг другу скорую встречу – и это звучит фальшиво.

Как будто обе знаем, что встреча вряд ли случится скоро, и уж точно не по обоюдному желанию.

Между нами никогда не было такого холода.

Я всё ещё держу телефон в руках. Смотрю на экран, как будто он может дать ответы. Света только что солгала мне, я чувствую это всей кожей. Но не понимаю – о чём она солгала и зачем.

На день рождения Кирюши они обычно приглашают максимум восемь-десять человек, так что назвать это «большим праздником» нельзя. А в этом году, значит, «только для близких». Куда уж ближе, чем Костя? Он ведь один из ближайших друзей Олега. Они вместе учились, оперировали бок о бок, звонили друг другу среди ночи обсуждать пациентов. А из родных у них, насколько я помню, – только родители на Дальнем Востоке, и с ними отношения сложные.

Почему нас не пригласили?

В груди расплзается странное ощущение.

Словно передо мной только что захлопнулась дверь, а я даже не понимаю, стоит ли в неё стучать.

Вечером я спрашиваю Костю, не поругались ли они с Олегом.

Мало ли, что могло случиться на работе. Даже у самых закадычных друзей могут возникнуть разногласия. Это было бы хорошим объяснением того, как странно вела себя Света во время нашего разговора.

Удивлённый взгляд мужа становится достаточным ответом. Когда я рассказываю о разговоре со Светой, он пожимает плечами.

– Забей! Может, она в ПМСе. Начнутся месячные, и снова станет нормальной.

– Костя, как ты можешь так говорить! Честное слово...

– Не честное слово, а объективная физиология. – Фыркает.

Подхватывает Илюшу, сажает себе на плечи и ходит по квартире, притворяясь поездом. Малыш доволен, хохочет во голос. Костя встречается со мной взглядом и говорит.

– Хочешь, скажу честно?

– Ч-ч-что? – У меня почему-то вдруг пересыхает во рту.

– Я терпеть не могу детские праздники. Такой визг стоит, что хоть вешайся. И пахнет тоже... памперсами всякими. А

потом дети дружно начинают плакать, каждый по своей причине... Кошмар!

– Ага, а взрослые праздники, конечно, намного лучше, да? Особенно если в клубе. Такой ор стоит, что хоть вешайся. И пахнет... ой, об этом вообще промолчу. А потом все дружно напиваются, и такое начинается...

Костя смеётся, обнимает меня. Илюша сгибается на плечах отца и тоже обнимает меня за голову. Так мы и стоим все вместе – маленькая, но счастливая семья.

– Поль, может, тебе на работу пора? Тогда будешь слишком занята, чтобы обращать внимание на то, кто кого не пригласил на детский праздник?

Вздыхаю, обхватываю мужа за пояс и прижимаюсь сильнее.

– Ты прав, Костя. Я и сама тоже об этом думала. Уже год прошёл после последней операции, и я готова. Завтра позволю в салон и узнаю, возьмут меня на полставки или нет. Временно, конечно.

– А почему временно? – Хмурится.

– Как почему? Так потом же я буду со вторым ребёнком?

Костя закрывает глаза, какое-то время стоит так, потом говорит.

– Давай так: пока я советуюсь со специалистами, ты найди работу, а дальше посмотрим. Тебе пойдёт на пользу порабо-

тать какое-то время, пообщаться с бывшими знакомыми, а потом мы поговорим о ребёнке. Как тебе такой план?

Сконфуженно смотрю на мужа. Такое чувство, что кухонный разговор о том, как сильно он хочет дочку, мне приснился. Я наконец согласилась, даже загорелась этой идеей, мы сходили к врачу, а теперь Костя жмёт на тормоза?!

Что вообще происходит?!

– Костя, ты что-то от меня скрываешь, да? – спрашиваю шёпотом.

Муж замирает на несколько бесконечных секунд.

– Ты о чём, Поль?

– Врач сказал что-то такое, что тебя напугало?

Какое-то время он смотрит в окно, задумчиво щурится, потом вздыхает.

– Я не уверен, что готов тобой рисковать.

Сказав это, он отворачивается.

Поезд из Кости и Илюши едет на кухню, а я смотрю им вслед.

Утром просыпаюсь с выводом, что мне точно пора выходить на работу, потому что я всю ночь в полусне гадала, что не так со Светой, и почему нас не пригласили на праздник. Тот самый случай, когда знала, что эти мысли мучают меня во сне, а проснуться не могла.

Поднимаюсь с постели с решимостью выяснить, что происходит.

Когда Илюше исполнилось два года, я восстанавливалась после операции, поэтому праздник пришлось отложить. Тогда Света с Олегом и Кирюшей заехали к нам без предупреждения и привезли подарки, воздушные шары и всякие вкусности. Заходить в квартиру наотрез отказались. Сказали, что просто заехали оставить подарки, а отпразднуем мы вместе потом.

Вот и я сделаю то же самое, просто завезу подарок. Если позвоню заранее, то Света наверняка откажется и будет вести себя странно, как вчера. А так... хотя бы будет жест доброй воли с моей стороны. Возможно, после этого мы нормально поговорим, и я узнаю у неё, что случилось.

12

После завтрака собираю Илюшу, и мы едем в детский магазин. Покупаем магнитный конструктор, машинку с радиоуправлением и пять воздушных шаров для Кирюши. Ну и, конечно, подарок для Илюши тоже, за то, что он хороший мальчик, – именно так он обосновал своё желание купить пожарную машину.

Света с Олегом живут в отдельном доме, так что даже если никого сейчас нет, можно оставить подарок на крыльце. Но, пока едем, я всё-таки отправляю Свете сообщение. Пишу, что мы сейчас просто завезём подарок, а отпразднуем потом.

Ответа не получаю.

Выходим из автобуса, идём вдоль их ворот, когда слышим громкие женские голоса из сада.

– Я не буду больше этого терпеть!

– Подожди... Ты спросила его об этом?

– Конечно спросила! Он сказал, что это неправда, и у них не будет больше детей. Но ведь она сказала тебе, что ходила к врачу... Что они ходили вместе!

Один женский голос незнакомый, высокий, истеричный, с пробивающимися в нём слезами. Второй успокаивающий,

но тоже взволнованный. Это Света.

– Я уже сожалею, что сказала тебе об этом...

Женщины выходят из-за кустов и видят нас с Илюшей.

– Привет! Извиняюсь за вторжение, мы просто заехали оставить подарок. Вот... Не будем вам мешать... Оля?!

Пока объясняю причину нашего приезда, смотрю на вторую женщину с покрасневшим, заплаканным лицом и узнаю в ней няню, которую нам с Костей пришлось нанять после родов и потом ещё раз, после моей последней операции. Приятная, совсем молоденькая, симпатичная Оля. Мы тогда почти подружились, хотя мне за тридцать, а ей всего двадцать.

Надо же, а я не знала, что они со Светой знакомы... похоже, что они подруги... но Света никогда об этом не говорила, хотя встречала Олю у нас дома... и на праздники она Олю раньше не приглашала...

Мысли роятся в голове шумным беспорядком, а потом внезапно застывают.

И в следующую секунду в моей голове словно образуется вакуум.

Абсолютная пустота.

Потому что лицо Оли внезапно искажает ярость, и она бросается ко мне со звонким истерическим плачем.

Моих инстинктов хватает на то, чтобы подхватить Илюшу

и повернуться к нападающей женщине спиной. Однако Оля не успевает до меня добраться, Света перехватывает её на полпути. Хватает за руки и силой заталкивает в дом.

– Нет! Прекрати! Не сейчас и не в моём доме! Нет!..

– Ой-ой гломко! – жалуется Илюша.

Прижимаю его к себе изо всех сил, облакачиваюсь на ограду. Ноги подкашиваются, в голове туман.

Подарки валяются под ногами в дорожной пыли, шарики застряли в кустарнике.

Сердце стучит в горле, в висках, настойчиво, как будто пытается вырваться наружу. Руки дрожат, и я почти не чувствую их – как будто не мои. Только судорожно сжимаю сына, чтобы не уронить.

Всё вокруг кажется слишком ярким, нереальным, почти мультяшным. Воздух застревает в горле, давит. В голове одна мысль, раскалённая, пульсирует криком: «*Что происходит?*»

Обрывки подслушанного разговора, куски событий... Всё это передо мной, как в калейдоскопе, но картина не складывается. Или, скорее, складывается, но слишком гротескная, невозможная...

Один из воздушных шаров лопается со звуком выстрела,

и я вздрагиваю всем телом.

– Мама, это шалик! – успокаивает меня сын.

– Спасибо, дорогой! Да, конечно, – еле говорю.

– Тебе следует уйти, – раздаётся голос Светы невдалеке.

Она вышла из дома, но не подходит к нам, стоит поодаль.

– Я не уйду, пока ты не объяснишь, что только что произошло, – выдавливаю из себя хрипло.

– Я не стану ничего объяснять. Это не моё дело, – говорит категорично.

– Это же Оля, она работала у нас няней. И она собиралась наброситься на меня...

– Уходи, Полина! Здесь ты ничего не узнаешь.

– Может, я и не узнаю, а вот полиция разберётся. Это сумасшедшая собиралась накинуться на нас с ребёнком!

– Я её остановила, и ничего не случилось. – Лицо Светы немного смягчается, она вздыхает. – Полиция тебе не поможет, Поля. Тебе надо поговорить с мужем.

– Мне надо срочно поговорить с мужем. Он не отвечает на звонки. Наверное, он в операционной, но мне надо знать, когда он освободится, и сразу с ним поговорить. Узнайте, пожалуйста... Я здесь подожду. Мне срочно нужно... Вот, смотрите! – Вываливаю на стойку дежурного администратора больницы документы, кредитки – всё, что есть в сумочке. – Вот, видите моё имя! Я его жена. Это срочно...

Меня пытаются успокоить, усаживают в кресло, приносят стакан воды.

Всё моё тело тикает как часы. В голове ни одной связной мысли, потому что я не хочу больше думать. Гадать, придумывать, объяснять, интерпретировать случившееся, услышанное, увиденное... Мне нужны факты. И пока я их не получу, не буду больше думать. Вообще.

Трясусь как на морозе, зуб на зуб не попадает.

Пытаюсь считать до ста, хоть как-то отвлечься, потому что догадки разрастаются во мне безразмерными воздушными шарами, и если они лопнут, то я сойду с ума. Наверняка.

Костя. Оля.

Нет! Не думать!

Какое счастье, что соседка оказалась дома и согласилась посидеть с Илюшей. Она иногда нам помогает. У неё двое внуков, так что опыт большой. Я бы не хотела, чтобы сын

стал свидетелем того, как я распадаюсь на части.

– Здравствуйте!

Я знаю стоящую передо мной женщину, познакомилась с ней на корпоративе. Она работает секретарём на хирургическом отделении.

– Простите, что я вас отвлекла, но мне срочно нужен Костя... Константин. У нас... в семье беда, а он не отвечает на звонки. Наверное, в операционной. Я могу где-нибудь его подождать? Мне срочно нужно...

– Очень сожалею, что у вас неприятности. Конечно, вы можете подождать мужа, но сегодня же вторник. Он на Технологической.

– На какой... Технологической? П-п-простите, я сейчас немного в панике и плохо соображаю.

– Конечно. – Секретарь поворачивается к столику администратора. – Принесите тёплой воды, пожалуйста.

– Нет-нет... мне не надо воды. Мне надо мужа. Моего. К-к-костю... – Заикаюсь от дрожи.

Секретарь берёт мои ледяные руки в свои тёплые.

– На Технологической косметологическая клиника. Он сегодня там.

– Костя? Мой Костя?

Судя по тому, как странно щурится секретарь, меня сейчас никуда не пустят, а, наоборот, упекут куда-нибудь подальше. И запрут.

С силой тру ладонями лицо.

– Простите, я наконец-то начинаю соображать. В шоке я забыла про клинику... на Технологической.

– Да, конечно, я вас понимаю. Он там не так уж давно.

Мне приносят тёплую воду. Согреваю ладони о чашку, делаю большой глоток, и мне действительно становится легче.

– Большое спасибо за помощь! Я сейчас сразу поеду туда...

– Здесь пешком семь минут, если идти вдоль канала.

Клиника на Технологической.

Косметологическая.

Костя, мой муж, который бредит полостной хирургией. Абдоминальной. Да, вот видите, даже я выучила термины, настолько он ими бредит.

Или он больше ими не бредит, потому что теперь делает... что? Перекраивает носы, лица, шеи... Убирает морщины?

Ему не могли разрешить просто так. Значит, он переквалифицировался втайне от меня.

Косметология.

Костя.

Оля.

Оля.

Оля.

Семь минут. Вернее, девять. Я бы добралась быстрее, если бы не натыкалась на кусты. Из-за растерянности, отчаяния и онемения во всём теле.

Современное здание с колоннами и огромными окнами встречает меня плакатами, с которых мне улыбаются счастливые, красивые люди. Без морщин, без вторых подбородков, с идеально прямыми носами.

Красивое здание.

Красивые люди.

О моём приходе предупредили. Ещё бы!

Администратор – красивая девушка, других сюда, наверное, не берут – заверяет меня, что Косте сообщили о моём приходе. Объяснили, что у меня к нему неотложное дело, и он выйдет сразу после операции.

Меня отводят в светлую комнату ожидания. Со всех стен и с брошюр на меня смотрят красивые улыбчивые люди. Я не хочу их видеть, поэтому сажусь в кресло и закрываю глаза.

Мне надо прийти в себя и собраться перед приходом мужа.

Ожидание кажется бесконечным или, наоборот, слишком коротким, если учесть, что с одной стороны этого ожидания у меня есть любящий и любимый муж, а с другой – уже не будет.

Потому что... всё во мне кричит об этом.

Когда дверь наконец открывается, я уже не дрожу. Сажусь прямо, со сложенными на коленях руками.

– Господи, Поля, что случилось?! Кто умер? – Костя в ужасе бросается ко мне. Опустившись на корточки, берёт ме-

ня за руки. Уже тёплые.

Высвобождаю руки и взглядом показываю ему на кресло напротив. Он ни о чём не знает, потому что был в операционной. Наверняка у него куча пропущенных от Оли, Светы... Олега.

– Когда ты собирался сказать мне, что переквалифицировался? – Мой голос удивительно ровный, спокойный. Я горжусь этим.

Костя отмахивается от моих слов.

– Для таких процедур состоявшемуся хирургу переквалифицироваться нетрудно. Нужны только курсы и практика с опытным хирургом в этой области... Подожди... Ты что, из-за этого пришла?! Меня вызвали из операционной! Конечно, я бы сказал тебе о том, что нашёл другую работу, но не сразу, а когда начну зарабатывать хорошие деньги...

– Мне не нужны хорошие деньги.

– То есть кухня тебе не нужна?

– Но ты же безумно любил свою работу!

– Да, но здесь тоже нравится, и я по-прежнему в центре на четверть ставки... – Морщится, словно его лицо передёргивает судорогой. Счастливым он не выглядит.

– Ладно, дело твоё, – соглашаюсь покладисто. – Ты прав, я пришла не из-за этого. Если ты спешишь вернуться к работе, то на твоём месте я бы не стала тратить времени на ложь. Я хочу знать правду про Олю, нашу бывшую няню, и про вашу связь.

Не знаю, какой реакции я ожидала.

Из-за шока и ужаса я не успела подумать об этом заранее. Но, зная моего мужа с его стальной выдержкой и сильным, непоколебимым характером, следовало ожидать категоричных ответов, давления и попыток навязать его мнение.

Всё происходит по-другому.

Какое-то время он смотрит на меня, ничего не говоря, потом грузно опускается в одно из кресел. Шумно выдыхает, как будто выпускает из себя что-то давно накопившееся.

– Слава Богу! – шепчет на выдохе.

И всё.

Так и сидит, трёт ладонью лицо.

Потом резко поднимается и выходит из комнаты, закрывая за собой дверь.

Без объяснений.

Я считаю секунды. В коридоре тишина – ни шагов, ни голосов. Здесь или в другом месте, но нам предстоит закончить этот разговор, поэтому я жду. В этот раз Косте не уйти от моих вопросов, не отговориться лживыми объяснениями.

Ёжусь от холода в безликой, пустой комнате. От холода и абсолютного одиночества.

Внезапно дверь снова открывается.

– Меня подменяют. Пойдём! – Муж протягивает мне руку. Сжимаю ладони в кулаки. Не хочу его касаться.

– Меня и здесь всё устраивает. Можешь ответить вкратце, пары предложений будет достаточно. Как долго продолжается ваша связь, и какие у тебя планы. А потом можешь возвращаться к работе, я не буду больше мешать. – Мой голос на удивление спокойный, даже отрешённый.

– Здесь слишком много чужих ушей. Вернёмся домой и нормально обо всём поговорим. Где Илюшка?

Смотрю на него холодным, прищуренным взглядом.

– Вопросы здесь задаю я. И правила устанавливаю тоже я. Ты расскажешь мне всё здесь и сейчас – либо сразу, либо после того, как я закачу истерику на всю клинику. И только мне решать, есть ли у нас общее «домой» или нет.

Делаю приглашающий жест.

Костя морщится, явно демонстрируя, что мои слова кажутся ему полной ерундой и глупостью. Протягивает ко мне руки – умелые, нежные, сильные хирургические руки. На протяжении нескольких лет я считала их надёжными, самой главной опорой в моей жизни.

– Поля, ну что ты такое говоришь! Мы со всем справимся, вот увидишь. Никаких сомнений и быть не может. Честно говоря, я рад, что всё наконец выяснилось. Если хочешь знать, то я безумно устал от всего этого притворства...

– Давай без драматических вступлений. Закрой дверь, сядь и вкратце изложи, что у вас с Ольгой. Остальное меня

не интересуется.

Мой голос словно мёртвый, но это придаёт ему необходимой сейчас холодности. Я вся целиком словно заледенела, но это и хорошо. Обычно я полностью, всем своим существом настроена на мужа и впитываю его эмоции и слова словно губка. А теперь всё это пустое, ложь и притворство, и мне нужны только чёткие, честные факты.

На секунду в глазах Кости мелькает раздражение, он качает головой.

– А ты сама-то уверена, что справишься с тем, что я скажу? Дома тебе было бы привычнее...

– Что привычнее? Слушать твою ложь? – Усмехаюсь.

Он хмыкает, согласно кивает.

– Раз так, то как хочешь, поговорим здесь. Думаю, ты помнишь, какой ты была после родов?

Набираю в лёгкие побольше воздуха, как будто это придаст мне сил, чтобы справиться с грядущими словами мужа.

Изгибаю бровь в немом вопросе. Какая я была? Мы с Илюшей чуть не погибли, мне потребовалась срочная операция, я потеряла много крови, очень долго восстанавливалась...

– Какой я была? – спрашиваю с искренним интересом.

– Никакой. – Слово звучит как смертельный диагноз. – Ты еле двигалась, была не в силах нормально ухаживать за собой и за ребёнком, постоянно паниковала, что случится ещё что-то плохое.

Хочется поспорить, что большинству женщин тоже было бы трудно пережить такое, но сейчас вопрос не о справедливости, а о правде.

– И тогда нам пришлось нанять Ольгу, – помогаю ему перейти к интересующему меня вопросу.

Костя разводит руками, как будто остальная часть истории очевидна.

– Ты сразу стал с ней спать?

Он морщится, как от зубной боли, начинает отрицать очевидное, но потом вздыхает и говорит.

– Нет, не сразу. Я вообще не собирался, хотя она предлагала... Понимаешь... Оля в то время была такой, как ты, когда я на тебе женился. В ней была радость, уверенность, жизнь... Она смеялась, с ней было интересно общаться и разговаривать. А ты... из яркой женщины вдруг стала никакой. Не вылезала из постели, постоянно нервничала, цеплялась за меня, тряслась за ребёнка без объективных причин...

– Ты ведь врач, Костя. Ты должен понимать, какой слабой я была, и как мне было плохо. То, что я не боялась показать тебе мою абсолютную слабость, – это высшая степень доверия.

– Я не твой врач, Полина. Я твой муж. И женился я на сильной, интересной, яркой женщине, а после родов ты стала... дрожащим, непонятным существом. И тогда я понял, что не могу так больше, а... Оля оказалась рядом.

Как ни странно, самая сильная моя эмоция – это обида за себя прошлую.

За то, что муж сравнил Ольгу со мной.

Он, конечно, прав в том, что последние три года разбили меня в пух и прах, это действительно так. Но до этого я была человеком, который жил полной жизнью. Человеком с интересами, хобби, профессиональными достижениями, в конце концов. С внутренним миром, который был широк и разнообразен. Я знала, что значит быть собой, и это ощущение было настоящим и крепким.

А Ольга...

Когда работала у нас, она умела говорить только на три темы: шмотьё, кто с кем спит и события какой-то мыльной оперы. Никакой глубины, никакого живого интереса, который мог бы увлечь или вдохновить. Пока я выздоравливала и восстанавливала силы, а она помогала с ребёнком, её однообразные разговоры были темой для шуток у нас с Костей.

А теперь он сравнивает её со мной.

Это ложь. Она не была мной. Она была просто тёплым молодым телом, комфортным, доступным и беспроблемным. И он решил в ней забыться, утонуть в лёгкости, которая никогда не должна была стать настоящей. Однако стала.

Костя хмуро смотрит в окно, качает головой. Выглядит

непонятым и недооценённым героем романа.

– Люди считают, что врачи постоянно и везде хотят оставаться врачами – на работе, дома, в транспорте, в гостях... А мне это на фиг надо. На работе этого хватает выше крыши. Когда я возвращаюсь домой, мне не хочется никого осматривать, лечить, жалеть и подбадривать. Особенно когда это длится столько времени. Я не хотел тебя подводить, не мог отказать тебе в поддержке, но... Мне понадобилась отдушина. – Смотрит на меня с вызовом, почти с обвинением, как будто я своей болезнью заставила его мне изменить.

Удивительно, но его несправедливые слова помогают мне нащупать внутренние силы. Если раньше я тряслась как лист на ветру и ощущала себя на грани обморока, то теперь словно обрела равновесие. Внезапно ощутила почву под ногами.

Наверное, потому что все эти годы Костя представлялся мне героем, который нёс на себе нашу маленькую раненую семью и принимал на себя все удары судьбы. А оказалось, что всё совсем наоборот, и мой героический муж не намного сильнее меня.

– Тебе понадобилась отдушина, и ты решил завести новую семью, – суммирую услышанное.

– Нет, конечно! – Отмахивается от этой идеи, как от чего-то гадкого. – У нас с Олей просто случилось... несколько раз.

– На протяжении трёх лет.

– Не утрируй! После твоих родов это случилось всего

несколько раз, а потом я отказался продолжать. Говорю же, я ничего такого не планировал, всё это было случайностью. Можно сказать, реакцией на стресс. Но когда год назад мы снова наняли Олю после твоей операции... Поля, попробуй представить себя на моём месте! – Наклоняется вперёд, опираясь локтями в колени. – На работе мне каждый день приходится решать вопросы жизни и смерти...

– Скорее, какую морщину оставить, а какую убрать.

Эти слова вылетают неожиданно, я даже не сразу осознаю, что сказала это вслух. Удивлённо касаюсь моих губ.

Я что, только что пошутила?

Конечно же, я несправедлива к его новой работе, однако я не обязана больше быть справедливой, не после липкой паутины лжи, которую он вил вокруг меня последние три года. Да и потом, он сам раньше так подшучивал над коллегами...

– Ты ничего не понимаешь в моей новой должности! – Его лицо багровеет, глаза наливаются кровью. Я хорошо знаю мужа, поэтому мне очевидно, что я задела его за живое.

– А мне и не нужно больше ничего понимать, – говорю странным, неожиданно лёгким тоном.

И чувствую себя как-то... легко.

Как будто с моих плеч упало свинцовое покрывало, которое я носила на себе долгое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.